

ПРОМАХИ АКЕЛЫ НЕ СМЕРТЕЛЬНЫ ДЛЯ СТАИ

Положение президента Ельцина становится все труднее и незавиднее, неудачи сыпятся на него одна за другой. Нельзя сказать, что до этого ему все удавалось, но такие неприятности, как поражение в Чечне или финансовое банкротство страны, можно было пережить относительно спокойно, поскольку президента они непосредственно не затрагивали. Настоящие неудачи — это потеря контроля над системой, все более явные признаки утраты власти.

Первым крупным поражением Ельцина, очевидно, следует считать назначение Евгения Примакова главой правительства. Дело не в том, что новый премьер как-то особенно плох или нелоялен, но он Ельцину навязан и имеет большую поддержку, от него не зависящую, исходящую из кругов, ему враждебных. Президенту приходится терпеть рядом с собой человека, который является постоянным напоминанием его неудачи и унижения, и устранение которого, похоже, становится для Ельцина «делом чести».

Но назначение Примакова было только «началом конца». С приходом «компромиссного» премьера осмелело и всерьез занялось процедурой импичмента думское большинство. Совет Федерации тоже осмелел и дважды отказался принимать отставку генерального прокурора — только потому, что этот прокурор обещает отдать на растерзание кого-то из приближенных президента. Вообще все один за другим стали страшно смелыми и независимыми. Когда Ельцин был «плох» и не выходил из больницы, такие проявления храбрости были еще более или менее естественны, но вот он выбрался из ЦКБ, регулярно навещает Кремль и устраивает показательные порки подчиненных, а политический истеблишмент — все храбрее и храбрее, все принципиальней и принципиальней. Что же происходит?

Действительно ли наступает «кризис режима», как стали писать и говорить СМИ? Довольно просто понять, почему все вдруг стали такими смелыми и обидчивыми. Близится конец второго ельцинского срока, а третьего, судя по всему, не будет. Конечно, ни сами по себе болезни, ни само по себе истечение срока полномочий еще не так опасны для власти президента. Нападать на больного все-таки страшновато, ибо он может выздороветь. Страшновато и нападать на президента, дорабатывающего свой конституционный срок, — все понимают, что при очень большом желании Конституцию можно и изменить. Но плохое здоровье в сочетании с завершением срока — это очень плохо.

В этой ситуации, даже если бы у Ельцина был явный, заранее подготовленный им самим преемник, все равно ему пришлось бы пережить психологически трудный период — все стали бы переориентироваться на этого преемника, а тот (даже если бы это был верный Черномырдин) постарался бы списать на Ельцина и его окружение все российские беды. Так было всегда, это — в человеческой природе. Но Ельцина подвело его властолюбие, он не решился назначить себе преемника, чем обрек вчерашних соратников на дерзкие выпады против оплошавшего лидера. «Акела промахнулся», и теперь его будут медленно и мучительно добивать.

Является ли эта ситуация кризисом? Для Ельцина, его семьи и некоторых самых близких к нему людей, которые уже не смогут ни к кому перебежать, это

даже хуже чем кризис, это — неумолимо приближающаяся катастрофа. Кое-кто при этом будет принесен в жертву, поплатившись не только статусом, но и свободой (идеальная фигура для жертвоприношения — Березовский). Но станет ли это кризисом для правящей элиты, «партии власти» в целом? Лишь в очень небольшой степени. Ее представителям, конечно, придется пройти через ряд испытаний — нужно дистанцироваться от Ельцина и затем объяснять, как ты при нем или искренне заблуждался (например, помогая ему организовать переворот 1993 г.), или, наоборот, все давно понимал и, как мог, тайно противодействовал. Это не очень приятно, но наша элита, спокойно перешедшая от коммунизма к идеалам демократии, с этой задачей наверняка справится. Несколько хуже другое. Поскольку не ясно, кто же будет преемником, не совсем понятно, под кого надо подстраиваться, и можно ненароком подстроиться под кого-то не того. Однако ко второму туру президентских выборов в любом случае станет видно, кто должен победить коммунистического кандидата, а значит, особо опасаться раскола элиты не стоит. Более того, может оказаться даже более выгодным попридержать свои ставки до второго тура, когда будущему президенту дорог будет любой союзник и цены на поддержку возрастут.

Таким образом, для правящей элиты сегодняшнее ослабление власти президента — это, конечно, кризис, но небольшой и вполне преодолимый. Теперь рассмотрим главный вопрос — является ли это кризисом режима?

Для этого мы прежде всего должны определить, что такое наш режим, каковы его основные параметры. Это — режим правления неформальной, но достаточно сплоченной «партии власти». Ядро ее, контролирующее «прием» в эту партию (и, соответственно, основные каналы социальной мобильности), составляет обуржуазившаяся советская номенклатура, в основном уже приватизировавшая государственную собственность. Правление этой «партии» обеспечивается, во-первых, Конституцией, во-вторых, существующей партийной системой. Конституция предусматривает сильную президентскую власть и слабый парламент, партийная же система обеспечивает воспроизводство ситуации, при которой оппозиция, хотя и может получить большинство в парламенте, не может победить на президентских выборах. Во второй тур президентской кампании обязательно проходят категорически неприемлемый и для элиты, и для большинства народа лидер коммунистической оппозиции и альтернативный кандидат, становящийся главой «партии власти» и представляющий для большинства народа, во всяком случае, «меньшее зло».

Режим этот в конечном счете базируется на определенном состоянии общественного сознания, на сочетании озлобленности, приводящей к голосованию за коммунистов, и перевешивающего эту озлобленность страха перед теми же коммунистами и перед радикальными переменами вообще. Кризис режима мог бы возникнуть лишь при изменении этого «баланса». Во-первых, если резко протестующее меньшинство озлобится до такой степени, что перейдет от протестного голосования к насильственным действиям, вынудив тем самым и элиту перейти к иным средствам правления, иному режиму. Во-вторых, если возникнет реальная возможность превращения этого меньшинства в большинство, то есть победы коммунистического кандидата. В-третьих, можно рассмотреть противоположный вариант: коммунисты ослабеют до такой степени, что их кандидат не пройдет во второй тур, и главный приз разыгрывают два одинаково «элитарных» кандидата, что может привести к расколу «партии власти», к исчезновению ее как единого организма. Наконец, один из участников финала может быть оппозиционером, способным привлечь часть элиты и

преодолеть народный страх перед оппозицией. До ничего подобного в 2000 г. не предвидится, теперешние процессы к этому не ведут и за очерченные выше параметры режима не выводят.

То, что происходит сейчас, это встроенный в механизм функционирования режима и отнюдь не разрушающий его кризис. Неизбежное появление нового лидера правящего класса, дистанцирование его от Ельцина, списывание на бывшего правителя всех народных несчастий, публичные жертвоприношения на алтарь демократии — все это лишь рассасывает народное недовольство, порождает новые иллюзии (во всем виноваты Березовский, Татьяна Дьяченко, Ельцин...) и укрепляет режим. Это — нормальный, циклический и «очистительный» кризис.

Разумеется, политическая система эволюционирует. Усиливается власть регионального начальства, меняется идеологическая окраска режима — от апологии свободного предпринимательства, необходимой в период «первоначального ограбления», он переходит к идеологии сильного государства», более подходящей для элиты, которая собственность уже захватила и теперь хочет, чтобы государство защитило ее от разорения и нового имущественного передела. Но это именно эволюция, а не кризис.

Когда Акела промахнулся, его убивают. Но если для Акелы это — конец, то для стаи — нет. Гибель Акелы лишь сплачивает стаю и подтверждает незыблемость ее законов.